

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746

Научная статья / Research article

Исламистский терроризм в контексте современных гибридных войн

Ю.М. Почта Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 pochta-yum@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются современные причины воспроизводства исламистского терроризма. В качестве методологии используются концепции десекуляризации, гибридных войн, а также системно-функциональный подход. Исходя из признания провала либеральных объяснений причин исламистского терроризма, автор критикует либеральную методологию, которая основана на эссенциалистском объяснении ислама и мусульманской цивилизации и приписывает исламу неизменный набор качеств как онтологическому злу, варварству, враждебному западной цивилизации. В статье представлена точка зрения, основанная на подходах, предложенных представителями леворадикальной мысли, постмодернизма и неомарксизма. Сделан вывод о том, что политизация ислама, включая его радикальные интерпретации, обусловлена кризисом ряда мусульманских обществ. Реакция мусульманского мира на западный глобализм также является попыткой реализовать свои собственные глобальные политические проекты, что можно трактовать как ответ исламского фундаментализма на вызов западного демократического фундаментализма. Автор анализирует феномен гибридных войн как форму вооруженного и информационно-идеологического насилия, которую западный мир использует для наведения порядка в своей глобальной империи. Показана связь гибридных войн с концепцией справедливой войны, а также востребованность исламистского терроризма как элемента системы гибридных войн. Исламистский терроризм и борьба с терроризмом присутствуют во всех гибридных войнах, которые ведутся в мусульманском мире. Это проявляется как в военных действиях на местах, так и в информационной войне, а также в виртуальном пространстве. Рассматривается рынок террористических и антитеррористических услуг, присущий гибридным войнам, и место в нем исламистского терроризма. Финансовые отношения связывают участников террористической деятельности, включая заказчика, спонсора, посредника, организатора, информатора и исполнителя. Делается вывод, что исламистский терроризм не является деятельностью отдельных фанатиков или проявлением воинственного характера ислама, а продуцируется конфликтной системой современных международных отношений.

Ключевые слова: ислам, гибридные войны, терроризм, симулякр, десекуляризация, рынок террористических услуг

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

© Почта Ю.М., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Почта Ю.М. Исламистский терроризм в контексте современных гибридных войн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 734—746. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746

Islamist Terrorism in the Context of Contemporary Hybrid Wars

Yuriy M. Pochta

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 pochta-yum@rudn.ru

Abstract. The article deals with the present-day causes of the reproduction of Islamist terrorism. The concepts of desecularization, hybrid wars, and a system-functional approach form the methodological basis of the research. Recognizing the failure of liberal explanations of the causes of Islamist terrorism, the author criticizes the liberal methodology, which is based on an essentialist explanation of Islam and Muslim civilization and attributes a fixed set of qualities to Islam as an ontological evil, a barbarism hostile to Western civilization. The paper presents a viewpoint based on the approaches proposed by representatives of left-wing radical thought, postmodernism and neo-Marxism. It is concluded that the politicization of Islam, including its radical interpretations, is due not to the militant unchanging nature of Islam, but to the crisis of a number of Muslim societies. The Muslim world's reaction to Western globalism is also an attempt to implement its own global political projects as a response of Islamic fundamentalism to the challenge of Western democratic fundamentalism. The author analyzes the phenomenon of hybrid wars as a form of armed violence that the Western world uses to restore order in its global empire. The connection between hybrid wars and the concept of a just war is shown, as well as the relevance of Islamist terrorism as an element of the system of hybrid wars. Islamist terrorism and counterterrorism are present in all hybrid wars waged in the Muslim world. This is manifested both in military actions on the ground, and in information warfare, as well as in virtual space. The market for terrorist and counterterrorist services inherent in hybrid wars and the place of Islamist terrorism in it are examined. Financial relations bind the participants in terrorist activities, including the customer, sponsor, mediator, organizer, informant, and performer. It is concluded that Islamist terrorism is not the activity of individual fanatics or a manifestation of the militant nature of Islam, but is produced by the conflict system of contemporary international relations.

Key words: Islam, hybrid wars, terrorism, simulacrum, desecularization, market of terrorist services

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant 19-18-00155 “Islamist extremism in the context of international security: threats to Russia and the possibilities of counteraction”.

For citation: Pochta, Yu. M. (2021). Islamist terrorism in the context of contemporary hybrid wars. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 734—746. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746>

Введение

Замысел статьи связан с критическим отношением автора к существующим либеральным представлениям о причинах исламистского экстремизма и желанием высказать иную точку зрения, основанную на подходах, предлагаемых представителями леворадикальной мысли. Причины сомнения автора в либеральной методологии связаны с тем, что мы являемся свидетелями провала плана создания однополярного мира во главе с США после окончания холодной войны, а также неудачи тенденции канонизации либеральной

демократии при одновременной дискредитации любых нелиберальных концепций общественного устройства. «Отказ преклоняться перед либеральным Западом стал основой антилиберальной контрреволюции в посткоммунистическом мире и за его пределами», — полагают болгарский политический аналитик Иван Крастев и американский правовед Стивен Холмс (Крастев, Холмс, 2020, с. 22—23).

Среди ряда событий, свидетельствующих о неудаче либерализма после холодной войны, можно назвать такое связанное с нашей темой, как афганская авантюра США и их союзников. Бесславно завершилась самая

долгая война в истории США, организованная под предлогом борьбы с глобальным терроризмом, стоившая многие сотни миллиардов долларов¹. Она показала, что США не только весь мир, но даже и одну отдельно взятую страну мировой периферии не могут подчинить своей воле. Правительство Афганистана, которое американцы все эти годы создавали и поддерживали, обладало лишь номинальной властью, а реальная власть принадлежит террористической организации «Талибан»², которая за годы американской оккупации существенно усилила свое влияние, и поэтому до своего ухода и после него американцы вынуждены вести с ними прямые переговоры. Оценивая эту ситуацию, в своем выступлении перед студентами Дальневосточного федерального университета 8 июля 2021 г. министр иностранных дел РФ С.В. Лавров отметил, что США «выводят войска из Афганистана... признав провал своей двадцатилетней миссии»³.

¹ Как полагают ученые Нета Кроуфорд и Катерин Лутц из американского исследовательского центра при Университете Брауна в Провиденсе, штат Род-Айленд, «с момента вторжения в Афганистан в 2001 г. Соединенные Штаты потратили на войну 2,26 триллиона долларов, включая операции как в Афганистане, так и в Пакистане... Эта общая сумма не включает средства, которые правительство Соединенных Штатов обязано потратить на пожизненный уход за американскими ветеранами этой войны, а также не включает будущие выплаты процентов по деньгам, заимствованным для финансирования войны». См.: Crawford N., Lutz C. Costs of War // Watson Institute for International & Public Affairs. April 15, 2021. URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/files/cow/imce/figures/2021/Human%20and%20Budgetary%20Costs%20of%20Afghan%20War%2C%202001-2021.pdf> (accessed: 02.07.2021). См. также: Reality Check team. Afghanistan: What Has the Conflict Cost the US and Its Allies? // BBC. September 3, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-47391821> (accessed: 02.07.2021).

² Организация запрещена в РФ.

³ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ) на тему «Международная деятельность России для развития российских регионов» и ответы на вопросы студентов и профессорско-преподавательского состава, Владивосток, 8 июля 2021 года // МИД России. 08.07.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4809543 (дата обращения: 09.07.2021).

Об изменении российской позиции по отношению к либеральной демократии последнее время много пишет российский политолог Сергей Караганов. Он убежден в том, что с 2000-х гг. западничество в российских элитах становится маргинальным, так как стало очевидным, что Запад находится в глубоком цивилизационном кризисе. Утратив иллюзии и идеологические шоры, Россия берет курс на великодержавное возрождение как незападная страна, начинающая поворот на Восток и создающая миросистему Большой Евразии. Ученый полагает, что навязываемая Западом дихотомия «демократия — авторитаризм» является ложной и России необходимо будет доказать, что ее модернизационный авторитарный политический режим способен обеспечить развитие страны (Караганов, 2021).

Методология исследования

Ярким представителем либерального подхода к проблеме исламистского терроризма можно назвать американского политолога-востоковеда Валида Фареса. Этому выходцу из Ливана, христианину-марониту по вероисповеданию, присущи крайне правые политические взгляды. В частности, его упрекают в исламофобии, в том, что он занимает видное место в сформировавшемся после 11 сентября 2001 г. антиисламском движении в США. В. Фарес уверен, что после падения Османской империи в 1919 г. и до настоящего времени в регионе Ближнего и Среднего Востока (БСВ) идет борьба «между силами, стремящимися к восстановлению теократического исламского Халифата, и силами прогресса, ориентированными на демократию» (Фарес, 2012, с. 14). Поддерживаемые США силы, стремящиеся к демократии, борются против «объединенных сил господствующих режимов и фашиствующего джихада (салафитов и хомейнистов)» (Фарес, 2012, с. 16—17). Он убежден в том, что «подъем и успехи террора начала XXI века непосредственно связаны с экспансией радикальных идеологий, а рост этих идеологий обратно пропорционален несостоятельности демократической культуры в гражданских обществах» (Фарес, 2012,

с. 59). В. Фарес говорит о фанатизме джихадистов, считающих себя наследниками многовекового исламского халифата и стремящихся реализовать в глобальном масштабе эту концепцию, ссылаясь на волю Аллаха (Phares, 2005, p. 69).

С таким пониманием причин исламистского терроризма трудно согласиться. Оно основано на эссенциалистском объяснении ислама и мусульманской цивилизации, приписывающем исламу неизменный набор качеств онтологического зла, противостоящего западной цивилизации. Объяснение В. Фареса западоцентрично, имеет элементы социального расизма, исламофобии и в конечном счете служит оправданием необходимости господства США и их союзников над мусульманским миром. Следует уточнить, что определение «исламистский терроризм» является крайне условным, приписывающим одной из монотеистических мировых религий террористический характер. Необходимо иметь в виду, что речь идет о террористических группах, использующих фундаменталистски интерпретированные идеи и концепции ислама (джихад, халифат) для обоснования их собственной политической деятельности⁴. Так как эта деятельность носит экстремистский характер и связана с применением насилия, то необходимо выяснить, с какими современными широкомасштабными формами насилия этот экстремизм связан.

Терроризм и экстремизм в данной статье рассматриваются как типологически близкие понятия, а различие между ними можно определить, опираясь на существующее в действующем российском законодательстве понимание террористической деятельности как наиболее радикальной разновидности экстремизма⁵. На основе системно-функционального

⁴ Было бы ошибочным видеть фундаментализм только у мусульман, игнорируя существование американского религиозного (Phillips, 2006) и светского (Barber, 1995.) фундаментализмов, противостоящих исламскому фундаментализму.

⁵ См.: Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 1. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=14&nd=102079221&intelsearch= (дата обращения: 01.06.2021).

подхода в статье ставится цель изучения исламистского терроризма как элемента системы, имеющего определенные свойства и выполняющего определенные функции. Для достижения этой цели исламистский терроризм будет рассматриваться как элемент системы современных гибридных войн.

Гипотеза. Исламистский терроризм как радикальный вариант политического ислама является элементом современных гибридных войн. Специфика гибридных войн приводит к тому, что действия исламистских террористов востребованы на рынке террористических услуг. Поэтому в среднесрочной перспективе исламистский терроризм будет продолжать воспроизводиться.

План исследования. Для проверки этой гипотезы будут рассмотрены современные причины воспроизводства исламистского терроризма; феномен гибридных войн как той формы вооруженного насилия, которую западный мир использует для наведения порядка в своей империи; востребованность исламистского терроризма в гибридных войнах; присущий гибридным войнам рынок террористических и антитеррористических услуг и место в нем исламистского терроризма.

Причины воспроизводства исламистского экстремизма

Контекст воспроизводства

Для понимания причин воспроизводства терроризма необходим учет процессов, происходящих во всем мире и его мусульманской части в особенности. Арабский национализм не смог решить насущные социально-экономические проблемы арабских стран после обретения независимости, и исламизм (как политический ислам, включая его экстремистские проявления) выдвинулся на ведущее место в их политической жизни. Способствовали этому социокультурные и политические факторы. К социокультурным факторам необходимо отнести десекуляризацию эпохи постмодерна⁶, а к политическим —

⁶ Используя понятие «постмодерн», можно сослаться на мнение политолога Ю.В. Ирхина о том, что «понятие “постмодерна” стало широко использоваться

дестабилизацию ряда государств в результате иностранных вмешательств, а также стремление обладающих большими финансовыми ресурсами нефтедобывающих монархий региона сохранить свои авторитарные политические режимы и распространить свое влияние на другие страны мусульманского мира.

Дестабилизация мусульманских государств

Коллективный Запад во главе с США после холодной войны стремится переформатировать под свои глобальные интересы Большой Ближний Восток. Это приводит к дестабилизации политических режимов, хаосу и вакууму власти. Французский философ и социолог Жан Бодрийяр, использовавший идеи постмодернизма и неомарксизма, еще в 1991 г. в работе «Войны в Заливе не было» обратил внимание на внутренние противоречия торжествующей глобализации. Он показал, что ислам (мусульманский мир) демонстрирует лишь одну из радикальных форм антизападного вызова (Бодрийяр, 2016, с. 92). Фактически, ведя спор с представителями эссенциалистской трактовки причин существования исламистского терроризма, он настаивает на идее о сопричастности Запада к его появлению. Он утверждает, что террористические акты против США 11 сентября 2001 г. не являются произвольным актом нескольких недобитых фанатиков. Существует «ненависть к доминирующей глобальной силе, которую испытывают обездоленные и эксплуатируемые, к которым мировой порядок обращен своей худшей стороной... Аллергия на всякий окончательный и безапелляционный порядок, на всякую безапелляционную власть, по счастью, универсальна...» (Бодрийяр, 2016, с. 97—98).

с конца 1970-х гг. для обозначения периода вступления и развития человечества в эпоху постиндустриализма. Именно качественные изменения и сдвиги в обществе привели к формированию постмодерна как нового общественного явления и, соответственно, постмодернизма как одной из его мировоззренческих тенденций. В этом смысле «постмодерн» представляет собой интегральную характеристику современного постиндустриального, информационного общества» (Ирхин, 2005, с. 136).

Такой подход к интерпретации западной глобализации как организованной формы всемирного насилия разделяют такие леворадикальные мыслители, как американец Майкл Хардт и итальянец Антонио Негри. В своей работе «Множество: война и демократия в эпоху империи», впервые опубликованной в 2004 г., они трактуют глобализацию как глобальное состояние войны, для которой «война с терроризмом», в нашем случае исламистским, является лишь одним из предложений к подчинению всего человечества (Хардт, Негри, 2006, с. 292).

Ответом мусульманского мира на западный глобализм являются также попытки реализации собственных глобальных политических проектов. Это — современный ответ исламского фундаментализма на западный демократический фундаментализм. Процесс возрождения политического ислама может иметь организованные формы, когда отдельные государства проводят многолетнюю политику распространения в мусульманском мире (и в перспективе — во всем мире) различных версий политического ислама (Саудовская Аравия — ваххабизм, Иран — шиитский революционный ислам, Турция и Катар — идеологию организации «Братья-мусульмане»⁷) (Хайруллин, 2019). Эти версии исламизма конкурируют между собой, в том числе и в радикальных террористических формах, подкрепляемых финансовой, организационной, информационной поддержкой правительств и фондов ряда мусульманских государств.

Феномен гибридных войн в современном мире

Новые войны

Общепризнано, что после окончания холодной войны традиционные военные конфликты XX в. между регулярными армиями отдельных государств и их союзов маловероятны. В XXI в. возникают войны нового типа, которые получают различное обозначение: новая, политическая, имперская, глобальная

⁷ Организация запрещена в РФ.

гражданская, четвертая мировая, третья мировая сетевая война, гибридные военные действия, гибридная война.

Современной войной нового типа является феномен гибридной войны как той формы вооруженного насилия, которую западный мир использует для наведения порядка в своей империи и в которой вынужденно или по своей воле участвуют региональные государства. Новые способы ведения военных действий включают все современные формы противостояния, в том числе ожесточенную борьбу в информационном пространстве, поле смыслов и ценностей. Как полагают российские исследователи Ю.Б. Щипицин и А.Ю. Щипицина, «сегодня сами “гибридные войны” проходят на уровне противостояния идей, мировоззренческих позиций относительно современного мироустройства, вокруг смыслов создаются социальные группы, которые на трансграничном пространстве формируют “гибридные” войска» (Щипицин, Щипицина, 2018, с. 6).

О противостоянии идей в современных войнах пишет также британский профессор Мэри Калдор, защищая гегемонистскую политику Запада по отношению к незападным обществам. Новые войны, полагает исследовательница, «можно описать как войны, в которых представители партикуляристской политики идентичности кооперируются друг с другом, подавляя ценности цивилизованного поведения и мультикультурализма» (Калдор, 2015, с. 46). Исходя из этого, пока во всем мире не победит западный глобализм (западная цивилизация), гибридные войны будут продолжаться, так как представители незападных культур и цивилизаций будут фанатично защищать свои «партикулярные» ценности. Незападным культурам и цивилизациям великодушно предоставляется возможность сохранить свое декоративное существование в лоне западной цивилизации только в форме мультикультурализма.

Таким образом, гибридными можно назвать войны, которые идут непрерывно, в них неразличимы состояния мира и войны, не имеют значения государственные границы, международное право, нет различия между

комбатантами и некомбатантами, внутренними и внешними участниками. Это новый тип организованного насилия с глобальным присутствием, который использует террор и вызывает дестабилизацию в государствах, ставших объектами такой агрессии.

В гибридных войнах может проявляться государственный терроризм, когда отдельное государство или их альянс используют террористические группировки для достижения своих целей. Такой аспект гибридных войн может получать название прокси-войн⁸. Борьба с терроризмом зачастую служит предлогом для вторжений, смены политических режимов (Хардт, Негри, 2006, с. 14).

Достаточно откровенно о новой роли США в мире после окончания холодной войны и особенно после терактов 11 сентября 2001 г. писал в 2004 г. американский военный аналитик Томас Барнетт. США должны сделать глобализацию действительно глобальной, так как они являются «ключевым участником этого процесса, но не из-за не имеющей конкурентов способности вести войну, но из-за их уникальной способности экспортировать безопасность по всему миру... Эта новая глобальная война с терроризмом должна быть подчинена большей цели распространения экономической глобализации во всей планете» (Barnett, 2004, pp. 4—8).

Французско-египетский экономист и политолог-неомарксист Самир Амин объясняет, что на самом деле американский «экспорт безопасности» состоит в осуществлении постоянного военного контроля над планетой: «Глобализированный “либеральный” экономический порядок нуждается в непрекращающейся войне с бесконечной чередой военных вторжений, являющейся единственным способом подчинения народов периферии» (Амин, 2007, с. 36).

⁸ По мнению ряда российских авторов, «в Афганистане проводились прокси-операции США и Пакистана против СССР. В Сирии против России, иранских и сирийских правительственных войск использовались отряды боевиков (запрещенные в России ИГИЛ, Аль-Каиды и др.)» (Капицын и др., 2019).

Место терроризма в гибридных войнах

В современных военных конфликтах имеется большое количество сторон. Среди них российские ученые И.М. Попов и М.М. Хамзатов выделяют непосредственных и косвенных участников. К первым относятся вооруженные силы или иррегулярные формирования непосредственных сторон межгосударственного или внутригосударственного конфликта, а также население — как жертва или участник конфликта. К косвенным участникам — заказчики, спонсоры и медиаторы. Специфика современных военных конфликтов состоит в том, что значение косвенных участников резко возросло, так как для проведения продолжительных вооруженных действий требуется много средств и ресурсов, которыми непосредственные участники не располагают (Попов, Хамзатов, 2018, с. 263—264). Одними из непосредственных участников гибридных войн являются террористические организации. По мнению российских ученых М.А. Шугалей, И.С. Буриковой, О.В. Суханова и А.И. Юрьева, изучающих роль терроризма в современной гибридной войне в Ливии, «терроризм оказался очень эффективной и экономичной версией войны: с минимальными военными затратами на максимальную дестабилизацию состояния населения страны-противника» (Шугалей и др., 2020, с. 17).

Итак, важным аспектом гибридных войн является террористическая и антитеррористическая деятельность. Однако постоянно возникает вопрос о том, какие иррегулярные формирования, участвующие в гибридных войнах, можно называть террористическими. Встречаются противоположные оценки принадлежности к террористам со стороны различных государств, в том числе являющихся союзниками. Одной из причин этой неопределенности является процесс приватизации насилия в современном мире. Так как гибридный характер современных войн предполагает использование любых, в том числе террористических, методов достижения целей, то не только иррегулярные группировки,

но и любое государство, использующее такие методы, может быть названо своими оппонентами террористическим или покровительствующим терроризму.

Востребованность исламистского терроризма в гибридных войнах

Исламистский терроризм и противостоящий ему антитерроризм присутствуют во всех гибридных войнах, ведущихся в регионе БСВ. Проявляется это как в военных действиях на земле, так и в информационном противоборстве. Возможно, второе направление борьбы оказывается решающим. Связано это с тем, что в мире постмодерна создаваемая СМИ виртуальная реальность вытесняет фактическую. Все важнейшие события, в том числе и военные действия, проводятся не только на поле боя, но и в информационном пространстве, в котором конструируется искусственная реальность на основе симулякров.

Исламистские террористы, опираясь на разработки видных представителей современного исламского фундаментализма (суннитского и шиитского), оказывают мощное воздействие на сознание (и подсознание) мусульман на уровне мировоззренческих ценностей, используя в своем «медиа-джихаде» или культуре «цифровых боевиков» для достижения информационной революции (сетевые технологии и стратегии) (Васильев и др., 2018). По мнению российского востоковеда В.И. Сажина, «ИГИЛ⁹ совершило настоящую революцию в сфере онлайн-продвижения джихадистской идеологии, сумев исключительно через социальные сети создать мощное социальное движение и рекрутировать в свои ряды десятки тысяч иностранных бойцов со всего мира, включая Россию»¹⁰.

Российский политолог А.И. Неклесса настаивает на учете глобального характера

⁹ ИГИЛ, ИГ, «Исламское государство», «Исламское государство Ирака и Леванта», ДАИШ — запрещенная в РФ террористическая организация.

¹⁰ Сажин В. Исламский халифат разгромлен, но его опасная и заразная идеология жива // Международная жизнь. 11.03.2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21870> (дата обращения: 07.07.2021).

такого террористического явления, как ИГ. Принципиальная новизна ИГ как явления исламистского терроризма (своеобразного симулякра) состоит в том, что «это не просто разветвленная подпольная организация, наподобие “Аль-Каиды”¹¹, а специфический вселенский агрегатор — сложное сплетение явлений, намерений и ситуаций, рабочая модель некой постсовременной государственности как политически организованного сообщества, обоснованного волеизъявлением, а не территорией» (Неклесса, 2018).

Глобальные и региональные державы на Ближнем и Среднем Востоке используют борьбу с исламистским терроризмом как для обеспечения своей национальной безопасности, так и как средство или предлог для интервенций в отдельные государства, а также для оправдания своего военно-политического присутствия за рубежом, смены режимов и национального строительства. США оккупировали Афганистан под предлогом борьбы с «Аль-Каидой», а затем и с «Талибаном». Оккупация Ирака осуществлялась США под фиктивным предлогом наличия там оружия массового уничтожения, но затем огромные усилия были затрачены на поиски доказательств связи режима Саддама Хусейна с «Аль-Каидой». Турция использует борьбу с терроризмом (с ИГ или Рабочей партией Курдистана) как предлог для геополитической экспансии на территориях других государств (Сирии, Ирака, Ливии), реализуя концепцию панисламизма и неоосманизма. Декларируя борьбу с терроризмом, одни государства не доверяют другим, понимая, что декларации и реальные цели этой деятельности могут сильно различаться. Так, российские американисты считают, что «для российского и иранского руководства пресловутое “американское лидерство” в борьбе с ИГИЛ совершенно неприемлемо: ни в Москве, ни в Тегеране не доверяют целям и методам американской антиигиловской кампании» (Локальная война..., 2017).

¹¹ Организация запрещена в РФ.

Рынок террористических и антитеррористических услуг гибридных войн и место в нем исламистского экстремизма

Война как бизнес

Гибридные войны как войны нового типа создают социальную среду, способствующую новой хищнической экономике. Многолетняя война становится образом жизни и источником дохода для всех ее участников. Как пишет британский специалист по глобальному управлению Мэри Калдор, «по существу, параллельно с фрагментацией и деформализацией войны происходит деформализация экономики. Вместо национальной формальной экономики, с ее акцентом на промышленном производстве и государственном регулировании, устанавливается новый тип глобализированной неформальной экономики, в которой потоки материальных средств извне (гуманитарная помощь и денежные переводы из-за рубежа) интегрированы в локальную и региональную экономику, основывающуюся на трансфере активов и не установленных законом видах торговли» (Калдор, 2015, с. 222). Если в непрерывных гибридных войнах одной из форм ведения борьбы являются антитеррористические и террористические действия, то должен быть как спрос на них, так и предложение таких услуг. То есть это бизнес, где есть товар, его цена, конъюнктура спроса и предложения товара на внутренних и внешних рынках. Это бурно развивающаяся часть мировой экономики, успешно реализующая достижения информационной революции.

Террористические услуги

Финансовые отношения связывают участников «традиционной» террористической деятельности, включая заказчика, спонсора, медиатора, организатора, информатора и исполнителя. Есть расценки на применяемое вооружение, разведку, планирование, подготовку и проведение терактов. Боевики получают деньги за уничтожение живой силы и техники противника (солдат, офицеров, танков, вертолетов, самолетов), за взрывы

домов. Происходят выплаты за вербовку (продажу) кандидата в террористическую группу, а также семьям «шахидов». Так как современный терроризм использует Интернет и социальные сети, то обеспечение этой деятельности также имеет стоимостное выражение. ИГ тратило большие деньги на создание в СМИ собственного положительного образа, размещая там большое количество информационных видеофайлов, пропагандистских фильмов.

Можно утверждать, что исламистские террористы одной из целей своей деятельности ставят получение прибыли, хотя собственно исламистскими они называются из-за того, что мотивация их деятельности носит религиозно-идеологический характер. Поэтому исламистские террористические группировки могут наряду с выполнением идеологических задач превращаться в высокодоходные предприятия. Происходящая в ситуации гибридных войн приватизация насилия приводит к тому, что насилие может эффективно использоваться террористами для получения доходов, наряду, а то и совместно с преступными группировками (контрабандистами, торговцами нефтью, наркодилерами, торговцами человеческими органами и людьми, грабителями исторических артефактов) (Hesterman, 2013). ИГ продемонстрировало весь спектр такой деятельности в Сирии и Ираке. В форме квазигосударства оно осуществляло широкомасштабные кампании захвата территорий, порабощения и ограбления населения, создания собственной финансовой и налоговой системы (включая выплату зарплаты боевикам, госслужащим, пособий безработным). Дэвид С. Коэн, заместитель министра финансов по вопросам терроризма и финансовой разведки США, признал в 2014 г., что ИГИЛ была «самой хорошо финансируемой террористической организацией, с которой мы сталкивались»¹². В докладе Группы разработки финансовых мер борьбы с

отмыванием денег (FATF) в 2015 г. сделан вывод, что «ИГИЛ представляет новую форму террористической организации, где сбор средств (*funding*) является центральным и критичным для его деятельности»¹³. В этом отношении представляется односторонним мнение выдающегося французского исламоведа Жилия Кепеля о том, что существование ИГИЛ было апогеем рентного государства, то есть типом государства, характерного для нефтедобывающих государств Ближнего и Среднего Востока (Кепель, 2021, с. 329). В условиях хаоса и безвластия в ряде стран Ближнего Востока институционализация террора как компонента гибридных войн становится способом получения доходов для таких исламистских террористических организаций, как ИГ.

Антитеррористические услуги

Защита от терроризма — это огромная индустрия и высокодоходный бизнес. Основным заказчиком этих услуг являются государственные правоохранительные и специальные службы. Вместе с тем нести расходы на обеспечение безопасности приходится крупным корпорациям, среднему и мелкому бизнесу. Антитеррористическая деятельность в современном обществе предполагает высокотехническое обеспечение национальной безопасности, соединяющее культуру безопасности и коммерцию. Это вызвало к жизни огромный рынок информационных технологий, на котором предлагаются различные средства тотального контроля над населением. Создается также специальная военная техника для антитеррористической деятельности, включая спутниковые системы, дроны, самолеты, вертолеты, ракеты. Можно говорить о существовании индустрии национальной безопасности, ставшей важной частью военно-промышленного комплекса.

Часть деятельности по обеспечению национальной безопасности государство

¹² Davis J. U.S. Strikes Cut Into ISIS Oil Revenues, Treasury Official Say // The New York Times. October 23, 2014. URL: https://www.nytimes.com/2014/10/24/world/middleeast/us-strikes-cut-into-isis-oil-revenues-treasury-official-says.html?_r=0 (accessed: 08.07.2021).

¹³ Financing of the Terrorist Organisation Islamic State in Iraq and the Levant (ISIL) // FATF. 2015. URL: www.fatf-gafi.org/topics/methodsandtrends/documents/financing-of-terrorist-organisation-isil.html (accessed: 08.07.2021).

передает частным структурам, занимающимся, в частности, составлением списков подозрительных лиц и организаций, созданием компьютерных программ защиты от террористических атак на сайты важнейших организаций и программ для атак на сайты террористических структур. В местах содержания подозрительных лиц допрашивать их могут сотрудники частных компаний, заключивших контракты с государственными организациями. Чем больше признаний они получают от подозреваемых, тем большими будут их доходы. Рыночные методы могут использоваться при поиске террористов, когда объявляется щедрая награда за выдачу боевиков террористических организаций или любую информацию о них. Одни государства могут получать финансирование антитеррористической деятельности у других государств. Так, президент Йемена А.А. Салех в 2009 г. требовал и получал финансовую поддержку и вооружение от США и Саудовской Аравии под предлогом борьбы с исламистскими террористами на своей территории. Однако на самом деле эта помощь была нужна ему в основном для борьбы со своими внутренними противниками. Президент А.А. Салех уговаривал США признать хуситское движение террористическим, поддерживаемым Ираном и ливанской «Хезболлой», а США отказывались это делать, ссылаясь на то, что хуситы не нападают на американцев и являются местным повстанческим движением (Скейхилл, 2015а, с. 331—342).

Государственный терроризм

Кроме традиционно рассматриваемых индивидов и группировок терроризмом могут заниматься государства (государственный терроризм) и военно-политические союзы (операция НАТО «Гладио» в Западной Европе) (Гансер, 2012). Существует и государственный терроризм, осуществляемый в мусульманском мире правительствами мусульманских и немусульманских стран. Для его анализа необходимо определить, кто здесь является заказчиком, спонсором и исполнителем.

Американский ученый-лингвист и публицист Ноам Хомский много лет пишет о государственном терроризме, осуществляемом, по его мнению, правительством США. Он показывает, что «война с террором» во многих регионах мира переросла в войну с применением американцами террористических методов (убийств, пыток и варварства) или с поддержкой государственного террора отдельных правительств против своего населения (Хомский, 2007, с. 15—17; 2019). Джереми Скейхилл в своем объемном исследовании тайных операций США в XXI в., проводившихся Командованием сил специальных операций, показывает, что заказчиком и спонсором тех тайных операций, которые можно отнести к государственному терроризму, выступают государственные структуры США (Госдепартамент, Пентагон). Президент и конгресс не всегда обладают информацией об этих операциях, о том, какие структуры их проводят, об источниках их финансирования. После оккупации Ирака США, осуществляя «иракизацию» войны с терроризмом, предоставляли оружие, деньги и поддержку шиитским эскадронам смерти для борьбы с иракской «Аль-Каидой». Зачастую ведение войны нетрадиционными методами, включая террористические, передается на аутсорсинг частным военным компаниям как исполнителям (Скейхилл, 2015а, с. 331—342; 2015b).

После разгрома политического режима «Братьев-мусульман» в Египте в 2013 г. эрдогановская Турция (совместно с Катаром) оказывается основным региональным игроком, использующим джихадистские группировки «Братьев-мусульман» и близких к ним организаций для достижения своих экспансионистских целей в Сирии и Ливии¹⁴. После «арабской весны» Турция заняла враждебную позицию по отношению к правительству Б. Асада в Сирии и стала поддерживать некоторые антиправительственные силы, в том

¹⁴ Engdahl F. William. Turkey's Erdogan — From Hagia Sophia to the Shores of Tripoli and Beyond // William Engdahl official website. July 30, 2020. URL: <http://williamengdahl.com/englishNEO30Jul2020.php> (accessed: 10.07.2021).

числе террористические (Наумкин, 2015). Таким образом, Турция выступает в Сирии, Ираке и Ливии как заказчик и спонсор террористической деятельности, а также самостоятельно проводит политику, которая оценивается Сирией и Ираком как политика государственного терроризма.

Можно спорить с этими выводами, однако они отражают то обстоятельство, что в современном мире терроризм имеет множество форм и используется как государствами, так и негосударственными субъектами.

Заключение

В статье проведен анализ причин существования исламистского терроризма в контексте процессов глобализации. Показаны недостатки эссенциалистских либеральных объяснений этого феномена. Исламистский терроризм как радикальная форма исламистского экстремизма имеет собственные причины для воспроизводства (культурно-цивилизационные, социальные, экономические и политические). Выявлена связь исламистского терроризма с гибридными войнами, в которых террор в самых разных формах является важным элементом. Адекватное понимание места исламистского терроризма в гибридных войнах должно предполагать учет

сложной взаимосвязи собственной активности исламистских террористов с их деятельностью по заказам от различных акторов мировой политики. Эти заказы они выполняют в качестве наемников в прокси-войнах, когда заказчик действует на чужой территории чужими руками.

После окончания холодной войны в связи с изменением характера военных конфликтов в пользу гибридных войн действия исламистских террористов по собственной инициативе и их деятельность в качестве исполнителей заказов получают стоимостное выражение. Возникает рынок террористических и анти-террористических услуг, следовательно, террор и борьба с ним становятся большим бизнесом, начинают приносить доход заинтересованным сторонам. Сделан вывод о том, что необходимо принимать во внимание существование тесной противоречивой связи террора исламистских группировок с государственным терроризмом. Одно предполагает другое. Организаторами государственного терроризма являются как государства мусульманского мира, так и западные державы. В условиях гибридных войн государственный терроризм вполне успешно может предполагать использование услуг исламистских террористов.

Поступила в редакцию / Received: 21.12.2020

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список

- Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ-Классик, 2016.
- Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Шишкина А.Р.* Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности // *Азия и Африка сегодня.* 2018. № 12. С. 4—10. DOI: 10.31857/S032150750002565-3
- Гансер Д.* Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М.: Кучково поле, 2012.
- Ирхин Ю.В.* Социум и политика в постмодернистском Зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики).* 2005. № 4. С.136—160.
- Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
- Катицын В.М., Корчмарек Т.В., Столетов О.В., Щерба К.Д., Зверева В.С. и др.* Прокси-войны и состоятельность государств в современном мире // *Социально-гуманитарные знания.* 2019. № 4. С. 117—139.
- Караганов С.* О третьей холодной войне // *Россия в глобальной политике.* 2021. № 4. С. 21—34. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34
- Кепель Ж.* Выйти их хаоса. Кризисы на Ближнем Востоке и в Средиземноморье. М.: Политическая энциклопедия, 2021.

- Крестев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды: почему Запад проигрывает борьбу за демократию. М.: Альпина Паблишер, 2020.
- Локальная война в военно-политической стратегии США в начале XXI века / отв. ред. В.И. Батюк. М.: Весь Мир, 2017.
- Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66—96.
- Неклесса А.И. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму // Метафизика. 2018. Т. 29. № 3. С. 167—186.
- Попов И., Хамзатов М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2018.
- Скейхилл Д. Blackwater: самая могущественная наемная армия в мире. М.: Кучково поле; Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2015b.
- Скейхилл Д. Грязные войны: Поле битвы — земля. М.: Кучково поле, 2015a.
- Фарес В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. М.: Эксмо, 2012.
- Хайруллин Т. Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? М.: Институт Африки РАН, 2019.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
- Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству. М.: Столица-Принт, 2007.
- Хомский Н. Культ государства. М.: РИПОЛ Классик / Панглосс, 2019.
- Шугалей М.А., Бурикова И.С., Суханов О.В., Юрьев А.И. Триполи как социальный лифт для ИГИЛ (террористическая организация) / науч. ред. А.И. Юрьев. СПб.: Б.м., 2020.
- Щипицын Ю., Щипицына А. Гибридная война: моделирование информационных полей. М.: ЛитРес, 2018.
- Barber B. *Jihad vs. McWorld: Terrorism's Challenge to Democracy*. New York: Ballantine Books, 1995.
- Barnett T. *The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century*. New York: Berkley books, 2004.
- Hesterman J. *The Terrorist-Criminal Nexus: An Alliance of International Drug Cartels, Organized Crime, and Terror Groups*. Boca Raton, FL: CRC Press, 2013.
- Phares W. *Future Jihad: Terrorist Strategies against America*. New York: Palgrave Macmillan, 2005.
- Phillips K. *American Theocracy. The Peril and Politics of Radical Religion, Oil, and Borrowed Money in the 21st Century*. New York: Viking, 2006.

References

- Amin, S. (2007). *The Liberal virus: Permanent war and the Americanization of the world*. Moscow: Evropa publ. (In Russian).
- Barber, B. R. (1995). *Jihad vs. McWorld: Terrorism's challenge to democracy*. New York: Ballantine Books.
- Barnett, T. (2004). *The Pentagon's new map: War and peace in the twenty-first century*. New York: Berkley books.
- Batyuk, V. I. (Ed.). (2017). *Local war: The US and military strategy in the 21st century*. Moscow: Ves' Mir publ. (In Russian).
- Baudrillard, J. (2016). *The spirit of terrorism. There was no Gulf war*. Moscow: RIPOL Classic publ. (In Russian).
- Chomsky, N. (2007). *Hegemony or survival: America's quest for global dominance*. Moscow: Stolitsa-Print publ. (In Russian).
- Chomsky, N. (2019). *Optimism over despair: On capitalism, empire and social change*. Moscow: RIPOL Classic / Pangloss publ. (In Russian).
- Ganser, D. (2012). *NATO's secret armies: Operation "Gladio" and terrorism in Western Europe*. Moscow: Kuchkovo pole publ. (In Russian).
- Hardt, M., & Negri, A. (2006). *Multitude: War and democracy in the age of empire*. Moscow: Kul'turnaya revolutsia publ. (In Russian).
- Hesterman, J. (2013). *The Terrorist-criminal nexus: An Alliance of international drug cartels, organized crime, and terror groups*. Boca Raton, FL: CRC Press.
- Irkhin, Yu. V. (2005). Society and politics in the postmodern through the looking glass: Views, approaches, analysis. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, (4), 136—160. (In Russian).
- Kaldor, M. (2015). *New and old wars: Organised violence in a global era*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara publ. (In Russian).

- Kapitsyn, V. M., Korchmarek, T. V., Stoletov, O. V., Shcherba, K. D., Zvereva, V. S. et al. (2019). Proxy wars and the viability of states in the modern world. *Socio-Humanitarian Knowledge*, (4), 117—139. (In Russian).
- Karaganov, S. (2021). On the third Cold War. *Russia in Global Politics*, (4), 21—34. (In Russian). <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34>
- Kepel, G. (2021). *Get out of the Chaos. Crises in the Middle East and the Mediterranean*. Moscow: ROSSPEN publ. (In Russian).
- Khairullin, T. (2019). *Struggle for leadership in the Arab region. Is there a chance for Islamists?* Moscow: Institut Afriki RAN publ. (In Russian).
- Krastev, I., & Holmes, S. (2020). *The light that failed: A reckoning*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).
- Naumkin, V. V. (2015). Deeply divided societies in the Middle East: Conflict, violence, and foreign intervention. *Moscow University Bulletin of World Politics*, (1), 66—96. (In Russian).
- Neklessa, A. I. (2018). ISIS as a soft state (state as organization). *Metaphysics*, 2018, (3), 167—186. (In Russian).
- Phares, W. (2005). *Future jihad: Terrorist strategies against America*. New York: Palgrave Macmillan.
- Phares, W. (2012). *The coming revolution: Struggle for freedom in the Middle East*. Moscow: EKSMO publ. (In Russian).
- Phillips, K. (2006). *American theocracy. The peril and politics of radical religion, oil, and borrowed money in the 21st century*. New York: Viking.
- Popov, I. M., & Khamzatov, M. M. (2018). *War of the future: Conceptual foundations and practical conclusions. Essays on strategic thinking*. Moscow: Kuchkovo pole publ. (In Russian).
- Scahill, J. (2015). *Blackwater: The rise of the world's most powerful mercenary army*. Moscow: Kuchkovo pole publ., Institut vneshnepoliticheskikh issledovaniy i initsiativ publ. (In Russian).
- Scahill, J. (2015). *Dirty wars: The world is a battlefield*. Moscow: Kuchkovo pole publ. (In Russian).
- Shipitsin, Y. B., & Shipitsina, A. Y. (2018). *Hybrid warfare: Modeling information fields*. Moscow: LitRes publ. (In Russian).
- Shugaley, M. A., Burikova, I. S., Sukhanov, O. V., & Yuryev, A. I. (2020). *Tripoli as a social elevator for ISIS*. Saint-Petersburg. (In Russian).
- Vasiliev, A. M., Isaev, L. M., Korotaev, A. V., & Shishkina, A. R. (2018). Instruments of the Islamic State “soft power”: Typology and performance evaluation. *Asia and Africa Today*, (12), 4—10. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032150750002565-3>

Сведения об авторе: Почта Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-9600-2665; e-mail: pochta-yum@rudn.ru

About the author: Pochta Yuriy Mikhailovich — PhD, Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0001-9600-2665; e-mail: pochta-yum@rudn.ru